

STUDIA PHILOLOGICA

ЯЗЫК О ЯЗЫКЕ

ПОД ОБЩИМ РУКОВОДСТВОМ И РЕДАКЦИЕЙ
Н. Д. Арутюновой.

ВК 81.081
R 41

Надание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект 98-04-16106

ЯЗЫК О ЯЗЫКЕ

ПОД ОБЩИМ РУКОВОДСТВОМ И РЕДАКЦИЕЙ
Н. Д. Арутюновой

ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва
2000

ISBN 5-7889-0036-X

ББК 81.031
Я 41

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект 98-04-16106

Я 41

Язык о языке: Сб. статей / Под общ. рук. и ред. Н. Д. Арутюновой. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 624 с. – (Studia Philologica).

ISBN 5-7859-0036-X

В книге впервые поставлена задача воссоздания концептуального образа языка и речевой деятельности человека по данным естественных языков. Рефлексия языка о языке зафиксирована в значениях слов и фразеологических сочетаний, образующих метаязык «естественной лингвистики». Авторы рассматривают такие понятия, как *язык, речь, слово, значение, смысл, говорить, голос* и др. Анализ выполнен в синхронном плане и в исторической перспективе.

Большое внимание уделено индоевропейским истокам метаязыка естественной лингвистики, его формированию в русском и в других славянских языках, особенностям функционирования метаязыковых слов и выражений в народной культуре и речевых актах, а также роли звучащей речи в процессе создания «языка о языке».

Книга предназначена для широкого круга филологов.

ББК 81.031

ЯЗЫК О ЯЗЫКЕ
Сборник статей

Издатель А. Кошелев
Корректор М. Н. Толстая

Подписано в печать 12.11.99. Формат 70х100 1/16.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная, гарнитура Баскервилл.

Усл. изд. л. 50,31. Заказ № 1388. Тираж 1000.

Издательство «Языки русской культуры».
129345, Москва, Оборонная, 6-105; ЛР № 071304 от 03.07.96.
Тел.: 207-86-93. Факс: (095) 246-20-20 (для аб. М153).

E-mail: mik@sch-lrc.msk.ru

Каталог в ИНТЕРНЕТ

<http://postman.ru/~lrc-mik>

Отпечатано с оригинал-макета в ППП «Типография "Наука"».
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6.

Except the Publishing House (fax: 095 246-20-20, E-mail: lrc@koshelev.msk.su), only the Danish bookseller firm G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has an exclusive right on selling this book outside Russia.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки русской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

ISBN 5-7859-0036-X

9 785785 900363 >

© Авторы, 2000

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Оглавление

Н. Д. Арутюнова. Введение.

Наивные размышления о наивной картине языка. 7

I. Историческая ретроспектива

К. Г. Красухин.

Слово, речь, язык, смысл: индоевропейские истоки 23

Н. П. Гринцер.

Лингвистические основы раннегреческой философии. 45

И. И. Макеева.

Языковые концепты в истории русского языка 63

С. В. Дегтев, И. И. Макеева.

Концепт *слово* в истории русского языка 156

С. М. Толстая.

Славянские параллели к русским *verba* и *nomina dicendi* 172

II. Ключевые концепты «естественной» лингвистики

В. З. Демьянков.

Семантические роли и образы языка 193

И. Б. Левонтина.

Речь vs. язык в современном русском языке 271

И. Б. Левонтина.

Понятие *слова* в современном русском языке 290

И. М. Кобозева.

Две ипостаси содержания речи: *значение* и *смысл* 303

III. Речевая деятельность

Н. Б. Мечковская.

Метаязыковые глаголы в исторической перспективе:
образы речи в наивной картине языка. 363

Анна А. Зализняк.

Глагол *говорить*: Три этюда к словесному портрету 381

М. Я. Гловинская.

Глаголы со значением передачи информации 403

Н. Д. Арутюнова.

Феномен молчания 417

Н. Д. Арутюнова.

Показатели чужой речи *де, дескать, мол.*

К проблеме интерпретации речеповеденческих актов 437

IV. Номинация звучащей речи

Г. Е. Крейдлин.

Голос и тон в языке и речи 453

С. В. Кодзасов.

Голос: свойства, функции и номинации 502

Т. Е. Янко.

Глагол *гласить*: от звука к знаку 527

V. Языковые концепты в народной культуре

С. А. Ромашко.

Язык и речь в Ветхом завете 543

С. Е. Никитина.

Лингвистика фольклорного социума 558

Н. И. Толстой, *С. М. Толстая*

Имя в контексте народной культуры 597

ВВЕДЕНИЕ

Н. Д. АРУТЮНОВА

Наивные размышления о наивной картине языка

В чем состоит замысел собранных в этой книге очерков? Прежде всего, в привлечении внимания читателя к образам языка, запечатленным в самом языке, иными словами, к тому, что можно назвать «естественной (наивной) лингвистикой», «народным языкознанием» или, наконец, «наивной картиной языка», приглашающей к столь же немудрящим размышлениям. Естественная лингвистика— это нерелефлирующая рефлексия говорящих, спонтанные представления о языке и речевой деятельности, сложившиеся в обыденном сознании человека и зафиксированные в значении металингвистических терминов, таких как *язык*, *речь*, *слово*, *смысл*, *значение*, *говорить*, *молчать* и др. Как представлял себе язык-речь человек, ничего о языке не знавший, но им владевший так, как он владеет рукой или языком-органом? Как представлял себе человек, приобщившийся к грамоте и узнавший о существовании других языков, тот механизм, который регулирует потоки звуков, исходящих из его уст и имеющих своей целью что-то выразить и передать другому человеку? Как воспринимал он сам звуковой поток— расчлененно или целостно? Как создавались слова, составившие позднее ядро лингвистической терминологии, как они осмыслились и каким целям служили? Эти и многие другие вопросы стояли перед авторами книги. Они ранее не рассматривались систематически. Поэтому цель книги состоит в самой постановке проблем, подборе материала— современного и исторического— и формулировании первых выводов, из него вытекающих.

Язык составляет основной признак, выделивший человека из мира живой природы и придавший духовному началу физическое обличье. Язык— это своего рода аналог человека. Как и человек, он соединяет в себе материю и дух. Он воспринимается одновременно умом и органами чувств. Этот дуализм языка, повторяющий двойственную природу человека, отражен почти во всех его дефинициях. Так, по В. Гумбольдту, «язык представляет собой непрерывную деятельность духа, стремящуюся превратить звук в выражение мысли». Г. Штейнталь определял язык как «выражение осознанных внутренних, психических и духовных движений, состояний и отношений посредством артикулированных звуков». А. А. Потебня считал, что «понятие языка исчерпывается известного рода сочетанием чле-

нораздельного звука и мысли». К. С. Аксаков прямо и лаконично называл язык «одухотворенным звуком». Г. Остгоф и К. Бругман говорили о языке как о «психофизическом механизме». Точно то же указание на соединение в языке духа и материи находим у И. А. Бодуэна де Куртене, писавшего, что «в каждом языке различают две стороны: звуковую и психологическую», причем «собственно языковое — это способ, каким звуковая сторона связана с психическим содержанием». Н. В. Крушевский еще более полно выразил в своей дефиниции языка эту его особенность, хотя и уникальную, но все же имеющую некоторую аналогию в двойственной природе человека. Он писал: «Язык представляет нечто, стоящее в природе совершенно особняком: сочетание явлений физиолого-акустических, управляемых законами физическими, с явлениями бессознательно психическими, которые управляются законами совершенно другого порядка». Ровно то же сочетание двух миров являет собой человек, хотя их соединяют иные отношения. И хотя язык конвенционален, а человек органичен, в саму природу человека внедрена возможность семиозиса, а в природу языка — органическое единство звука и смысла, в котором берет свое начало языковой знак. М. О. Гершензон писал: «Все духовное творчество человека коренится в природе и все ныне организованные деятельности его, столь сложные и сознательные ... родились из произвольных побуждений. Так и слово возникло в составе инстинктивной мимики, как произвольное телодвижение гортани — звук. Этот первоначальный звук разрешал тягостное напряжение чувства, и одновременно, вынося чувство наружу, ставил его пред человеком. ... Но уже в инстинктивной мимике люди должны были открыть средство взаимного общения: человек по жесту другого узнавал волнующее его чувство — страх опасности или радость находки... Для того, чтобы звук удовлетворял личность, то есть возможно полнее разрешал напор чувства и возможно целостнее выражал его вовне, он должен был воплощать в себе именно личное состояние духа. Напротив, социальный интерес побуждал обезличивать звук, потому что звук совершенно личный непригоден для общения, и чем он личнее, тем менее пригоден. Только звук, вмещающий родовое ядро чувства, понятен всем» [Гершензон 1922, 127—128].

Язык раскрывает духовное начало, присутствующее в человеке. У языка же нет вторичной знаковой системы, которая бы раскрывала его смыслы. Он делает это сам, толкуя одни смыслы через другие, перефразируя их, но не выходя за свои пределы. Язык, в отличие от человека, лишен языка, который бы фиксировал, ограничивал и стабилизировал его смыслы. Тайна человека приоткрывается через язык, тайна языка безъязыка. Увидев в языке орудие, человек начал его шлифовать и совершенствовать. Увидев, что язык безъязык, человек стал размышлять о языке и создавать язык о языке. Язык о языке, пока он не выделился в лингвистическую теорию и терминологию, является составной частью языка. Это ареал естественной лингвистики. Но даже после возникновения грамоты и грамматик этот ареал сохраняет свои позиции. В нем продолжают выражаться обыденные представления человека о языке и речевой практике. Поэтому в настоящем «собрании пестрых глав» наряду с исторической ретроспективой, проливающей свет на индоевропейские истоки метаязыковых слов, предлагается анализ их семантического развития, отраженного в письменных памятниках, и их значения в русском языке. Кроме того, в книгу включен раздел, посвященный взглядам на язык античных философов досократиков. Он демонстрирует известный параллель

лизм подхода к языку людей, искушенных в анализе своего предмета, и просто говорящих или пишущих.

Итак, в самой природе человека, как, впрочем, и других живых существ, заложена возможность создания семиотической системы той или иной степени сложности, предназначенной для целей общения. Мы имеем в виду парность активной способности человека производить звук и пассивной способности его воспринимать. Иначе говоря, чрезвычайно важной в биологической организации человека является соотносительность голоса и слуха, задающая возможность общения—семиотического контакта с другими. Наличие «парной способности», разумеется, недостаточно для возникновения языка. Она должна восходить к естественной связи между звуком и смыслом. Врожденность такой связи подтверждается универсальностью «криков беспокойства» и «звуков удовольствия», издаваемых грудными детьми, как и многочисленными примерами звукоподражания и звуковой символики; см. об этом [Газов-Гинзберг 1965; Воронин 1982]. «Парная способность», кроме того, поддерживается возможностью варьировать звук в более или менее строгом соответствии с варьированием смысла.

Активная способность человека производить звук реализуется голосом. Это понятие ушло на периферию лингвистических исследований, но оно было чрезвычайно важно для обыденного сознания человека прошлых эпох, оно сохраняет свои позиции в народной языковой культуре, театре и радиовещании. Наконец, к нему неизменно обращаются авторы, описывающие прагматические ситуации общения. Приведем тому только один пример прямого отождествления человека с его голосом, причем в эпоху, еще не знавшую ни радио, ни телефона:

—*Пьян вы думаете?*—крикнул голос с дивана. Ни в одном глазу. ... Князь обратился было к голосу с дивана, но заговорила девица (Достоевский).

«Голос» перешел из лингвистики в фольклор, певческую культуру и художественную литературу. Он сдал часть своих позиций вокалу. Он создал профессии дикторов и чтецов. В настоящей книге понятию голоса отведено большое место. В разделе Г. Е. Крейдлина проанализировано значение слова *голос* в современном русском языке, С. Е. Никитина рассматривает концепт голоса в русской народной культуре, И. И. Макеева—семантическую эволюцию *голоса* в памятниках письменности, обнаруживающую его чрезвычайную многозначность. Слова *голос* и *глас* могли обозначать не только звук и голос. Они получали и собственно лингвистические значения, такие как 'язык' (*возопи греческим гласом*), 'слова, высказывание', 'мнение' (*глас народа; разные были голоса*), 'ударение' и др.

Итак, природа начала семиотическую деятельность, человек ее продолжил. Он закрепил связь некоторых эмоций, а также иллокуций (угрозы, мольбы, нежности и др.) со звучанием голоса. Уже в междометиях, восходящих к спонтанным эмоциональным реакциям на ситуацию, зарождается процесс конвенционализации звука. Он начинается тогда, когда пассивная реакция перерастает в активное действие: *Эй!*—это только оклик, а *Ай!*—выражение боли или испуга. Наименования голосов животных обычно апеллируют одновременно и к звучанию, и к значению голосовых модуляций; ср.: *рычать, скулить, выть, шипеть, мурлыкать* и др. Когда этими глаголами характеризуется речь человека, они получают вполне определенный смысл: *скулить* значит 'говорить жалобно', *шипеть*—'произносить

ядовитые и жалящие слова'. При определении голоса, которым был осуществлен тот или другой речевой акт (например, в авторских ремарках), обычно используются прилагательные, относящиеся к эмоциональному состоянию говорящего, но которые вместе с тем позволяют достаточно точно представить себе его звучание; ср. *сказать что-либо угрюмо (угрожающе, злобно, радостно)* и пр. Некоторые определения очевидно двойственны. Так, в сочетании *говорить взволнованно* определение может в равной мере относиться к звуковым волнам и к волнам эмоций. Оно вмещает в себе прямое и метафорическое значения.

По голосу мы узнаем человека. В нем озвучена его личность—ее этнические, социальные, возрастные, половые и индивидуальные грани, его характер, его профессиональные функции и социальная маска, его физическая организация. По голосу мы судим о внутреннем состоянии человека, его отношении к адресату, его коммуникативных интенциях. В радио-теле-магнитофонном мире голос—это звуковой эквивалент человека, его звучащее «лицо», многообразная информация о котором распределена между многими словами, группирующимися вокруг трех основных классификаторов—**голоса, тона и интонации**. Эти три опорных в разговоре о звучащей речи концепта, прежде всего **голос** и **тон**, детально рассмотрены в разделе Г. Е. Крейдлина. Чтецы, ораторы, актеры и дикторы хорошо владеют техникой голосового, тонального и интонационного выражения смыслов. Фонетика уделяет этой технике меньше внимания. Для речи не разработана нотная запись, которая бы позволяла полностью реконструировать звучание. Коммуникативное варьирование тона и акцентуации описаны с достаточной полнотой, но семантический, или, точнее, семиотический, ореол голоса не входит в ареал фонетических исследований. Это объяснимо. Постепенно все речевые способности и речевые действия отчуждаются от человека. По мере того, как коммуникация расширяет свои возможности за счет визуальных средств, голос «оглушается», из него уходит звук. Если глагол *голосить* относится к громкому крику, плачу или причитаниям, то глагол *гласить* уже полностью переориентирован со звука на смысл объявлений, законов и других письменных документов. Он отчужден не только от голоса, но и от человека. (Этот глагол проанализирован в очерке Т. Е. Янко).

Дегуманизация языка привела в конечном счете к дегуманизации лингвистики. Фонетика переросла в фонологию, сосредоточенную на фонологических единицах и их дифференциальных признаках в отвлечении от многих фонетических особенностей речи. Интерес к звучащей речи сохраняется в работах по звукоимоволизму и фоносемантике, а также в диалектальных и этнографических исследованиях. Недавно была поставлена задача систематического изучения звукового кода традиционной народной культуры; см. публикации Института славяноведения РАН [Голос и ритуал 1995; Мир звучащий 1999]. В настоящей книге теме рождения смысла из звука посвящен очерк С. В. Кодзасова. В нем анализируются номинации звучащей речи, создающие звуковой образ общения.

Активная способность человека производить звук представлена не только концептом голоса, но и глаголами говорения—*говорить, молвить*, древнерусск. *речи, глаголать*, а также соотносительными с ними именами—*молва, речь, говор*. Большинство из них (*говорить, глаголать, молвить*) основано на звукоподражании. Обращает на себя внимание, что воспроизводя звуки одной и той же—в данном случае русской—речи, эти слова выделяют в качестве типичных и повторяющихся разные звуковые доминанты—то мелодично плавные звуки (*молва*, ср. также укр.

мова), то гутуральные взрывные (*говорить, глаголать*), то раскатистые (*тараторить*). Если сравнивать имитационные слова в разных языках, то различие в звучании будет еще большим; ср.: русск. *звенеть* и нем. *klingen*; русск. *хохотать* и фр. *rire*. Глаголы плача обнаруживают больше сходства; ср. *плакать*, фр. *pleurer*, исп. *llorar*, но англ. *to cry*. Таким образом, русские и французы плачут сходно, а смеются по-разному.

Аналогичное явление наблюдается среди обозначений голосов животных в разных языках; ср. русск. *ржать*, англ. *neigh* (ОЕ *hnāġan*) и исп. *relinchar*.

Звуковой образ речи, таким образом, весьма субъективен и зависит от ориентации на разные типы речевых актов, а имитация звуков изначально условна, так как опирается на вполне определенные артикуляционные навыки.

Подробное описание глаголов речи русского языка в перспективе исторического развития читатель найдет в разделе И. И. Макеевой. Сравнительный анализ *verba dicendi* в славянских языках дан в разделе С. М. Толстой, в котором отмечены возможные семантические источники значения «говорения» и описано лексико-семантическое поле речи каждого славянского языка; см. также разделы Анны А. Зализняк и М. Я. Гловинской.

К «активным силам» сферы языка-речи принадлежит центральный для лингвистики, но периферийный для обыденного сознания концепт языка. Его номинации метонимичны. Концепт языка «порожден» органами речи. В древнееврейском языке мог обозначаться названиями практически всех анатомических органов, участвующих в порождении речи, таких как язык, губа, рот, небо, глотка. При этом все они сохраняли свой прямой смысл. В конечном счете интересующее нас значение закрепилось за словом *lāšôn* (букв. 'язык'), то есть за именем самого подвижного органа, который, однако, не участвует в образовании звука. О концептах языка и речи в текстах Ветхого Завета см. в разделе С. А. Ромашко.

Слово *язык* входит во множество фразеологизмов, описывающих речевую деятельность (*болтать языком, с языка слетело, вертеться на языке* и др.). Когда говорят *язык отнялся*, имеют в виду утрату способности говорить, а не пережевывать пищу или чувствовать вкус; см. о них подробно в разделе В. З. Демьянкова. По-видимому, лингвистическое значение слова *язык* вычленено именно из фразеологизмов, описывающих речевые ситуации и речевое поведение. Однако за ним не закрепилось значение «речи». В некоторых языках существуют парные понятия (ср. англ. *tongue* и *language*, нем. *Zunge* и *Sprache*), но и в них слово, относящееся к органу речи (англ. *tongue*, нем. *Zunge*), не обозначает (вне фразеологизмов) речи. Язык подвижен, но семантика слова *язык* не динамична. «Речь» обычно обозначается именами, соотносительными с глаголами говорения.

Язык физический полифункционален. Он ощущает вкус, помогает разжевывать пищу, облизывает губы и пальцы (если ими едят; ср. выражение *пальчики оближешь*). В латыни старую форму *dingua* сменила *lingua* по аналогии с *lingo* 'лижу'. Об индоевропейских истоках названий языка см. в разделе К. Г. Красухина. Язык, как ни один другой орган или член физического человека, прочно и избирательно связал себя только с одним определенным видом человеческой деятельности — речью, чтобы затем передать свое имя лежащей в основе этой деятельности общей программе или системе. Ни рука, орудийная функция которой в очеловечивании человека подчеркивается в эволюционистских теориях (язык в концепции Дарвина не фигурирует), ни нога, благодаря которой человек «встал на ноги» и

распрявился, не передали своего имени каким-либо важным для человека видам деятельности.

Язык становится как бы двойником *homo sapiens*. Он проникает внутрь человека. Он формирует его сознание. Он пишет портрет этноса и отдельных личностей. Неслучайно со словом *язык* сочетаются многие определения, характеризующие нравственные качества человека. Язык может быть *грешным*, *празднословным* и *лукавым*; см. об этом в главе В. З. Демьянкова и в разделе И. Б. Левонтиной «Речь vs. язык в современном русском языке». Язык вводит человека в общество. Он создает социальный образ человека, отдаляющийся от личности и ее искажающий. В то же время язык идентифицирует себя именно с личностью (внутренним человеком). Он бунтует. Он хочет сорвать социальную маску. Он держит себя весьма развязно (ср. выражение *язык развязался*). Его трудно обуздать. Он выбалтывает тайны человека и обнаруживает его нравственные изъяны. Человек жалуется: «Язык мой—враг мой». Речь дана человеку, чтобы выражать то, что у него «на уме», но горе—от ума и умнее не говорить того, что на уме или на языке. Так рекомендуется в назиданиях и пословицах: *Лишнее говорить—себе вредить*; *Говоря про чужих, услышишь и про своих*; *Кто бы и знал, коли бы не сам сказал*; *Не всякую правду сказывай*; *Губы да зубы—два запора (забора), а удержу нет*,— и множество других советов в том же духе. И дело не только в том, что речь «предает» говорящего, обнажая его душу. Она опасна и для души того, кто говорит. Ф. А. Степун писал: «Слова—страшная вещь: их можно употреблять все, но впустую их употреблять нельзя. Они неизбежно влияют на душу произносящих их людей». Магическая сила слова обращается на говорящего.

Язык привязан к мысли. Он действует синхронно с ней. Ни мысль, ни внутренняя речь, оформляющая поток сознания, не подчиняются человеку. Человек не властен поставить заслон тому, что приходит ему в голову, и лишь социум нарушает согласные действия речи и мысли. Происходит распад речемыслительной деятельности.

Язык из орудия превращается в оружие. Языком ведется *перепалка*. Бунт человека начинается с бунта языка, а подавление бунта—с цензуры. Мы уже не говорим здесь о склонности языка к кощунству, сквернословью и богохульству, за которые казнили человека или его язык.

Язык получил в обыденном сознании больше отрицательных, чем положительных коннотаций. Язык анатомический мало эстетичен. Не случайно он не стал символом *homo loquens* и не вошел в эмблематику смысла. Язык не персонифицируется ни в мифологии, ни в фольклоре, ни в художественной литературе. Даже в абстрактной живописи язык поэта и красная остается «за кадром». Впрочем в индийской мифологии, склонной к персонификации абстрактных понятий, есть богиня речи (слова)—Вач (само это слово значит «голос»). Согласно «Ригведе», на ней зиждется все сущее. Вач имеет образ женщины и иногда считается прародительницей человеческого рода. Вач дарует человеку счастье и богатство или, напротив, лишает его удачи и имущества; см. [Мифы народов мира, т. 1. статьи «Брахма», «Вач», «Ведийская мифология» и др.].

Отрицательные коннотации (физические и лингвистические), сопутствующие языку, заметны в «языковом жесте», хорошо известном детям; о языковой «жестикляции» см. в разделе В. З. Демьянкова. Показать кому-нибудь (разумеется, не врачу) язык значит намекнуть на то, что осталось на языке, но могло слететь с не-

го и нанести ущерб адресату. Язык — это и зов, и вызов. Но он также знак индивидуальности или своеволия. Подпольный человек Достоевского, говоря о хрустальном здании будущего, сетует: «Ну а я, может быть, потому-то и боюсь этого здания, что оно хрустальное и навеки нерушимое и что нельзя будет даже и украдкой язык ему выставить». Поразмыслив, он смиряется: «Я бы рад себе совсем отрезать язык из одной благодарности, если бы только устроилось так, чтоб мне самому уже более никогда не хотелось его высовывать» (Достоевский). Мудрый совет держать язык за зубами относится и к тем, кто говорит лишнее, и к тем, кто бросает им вызов другому. Но как же быть с языком Поэту? Поэту, по-видимому, лучше с ним расстаться. Пушкину, как мы помним, помог в этом шестикрылый серафим: «... И он к устам моим приник, / И вырвал грешный мой язык, / И празднословный, и лукавый, / И жало мудрыя змеи / В уста замершие мои Вложил десницею кровавой» (Пушкин. Пророк).

Отрицательные коннотации не помешали слову *язык* получить обобщающее значение, подчинив себе все прочие слова лингвистического ареала. Чем это можно объяснить? Возможно, его целостностью. Словом *язык* не обозначаются части языка. Лингвисты говорят о *частях речи*, но не о *частях языка*, хотя имеют в виду именно структурные составляющие языка. Язык как *целое* выделил человека из мира природы. Конкретные языки в их *целостности* различают этнические объединения. Язык может варьироваться, но не члениться. Можно говорить о языке Пушкина, о языке светского или советского общества, о языке интеллигенции, но и в этом случае язык мыслится целокупно.

Итак, активная реализация «дара речи» ставит акцент на синтезе. В подтверждение этого приведем наблюдение Пьера Безухова над отношением к речи Платона Каратаева: «Когда Пьер, иногда пораженный смыслом его речи, просил повторить сказанное, Платон не мог вспомнить того, что он сказал минуту назад, так же, как он не мог словами сказать Пьеру свою любимую песню ... Он не понимал и не мог понять значения слов отдельно взятых из речи. Каждое слово его и каждое действие было проявлением неизвестной ему деятельности, которая была его жизнь. Но жизнь его, как он сам смотрел на нее, не имела смысла как отдельная жизнь. Она имела смысл только как частица целого. ... Он не мог понять ни цены, ни значения отдельно взятого слова или действия» (Л. Толстой). Отношение к речи как к реализации некоторой целостной структуры в конечном счете преобразовало название «органа речи» в глобальный концепт языка.

Совсем другую картину развития представляет основной представитель зоны восприятия — *слово*, ведущее в индоевропейской ретроспективе к корню **kleu*, имевшему значение «слышать». К этому же этимону восходят *слух*, *слава*, *слыть*; см. об этом в разделе К. Г. Красухина. Если порождение речи нацелено на синтез, то восприятие развивает аналитический подход к речи. Осмысление речи требует деления ее на составляющие. Пассивный, на первый взгляд, акт восприятия активизирует понимание структуры языка.

Особое место, занимаемое *словом* в обыденном сознании людей, и специфика его семантического развития в русском языке обусловлены рядом факторов, в частности, влиянием византийской богословской традиции, в которой *слово* (греч. Логос) имело сакральное значение и означало Слово Божие, воплотившееся в Иисусе Христе, его образе и учении. Известную роль играло также смешение книжной и народной культур, соотношение которых в истории русского языка прини-

мало разные формы. Слово постоянно меняло свое место в поле естественной лингвистики, занимая в нем крайние позиции как по горизонтали, так и по вертикали. Оно могло означать и текст (письменный и устный) и букву, и содержание (смысл) и воспринимаемые слухом звуки. *Слово* могло иметь сакральное (священное и магическое) значение, но оно охотно выражало профанные смыслы, обозначая разные типы речевых актов—недостоверные слухи, молву и личные мнения. Слово, изначально связанное с богословием, стало переходить в мирские тексты, из «слышанного» оно становилось «сказанным» [Степанов 1994], сближаясь с речью, чтобы стать ее частью; см. об этом подробно в разделе И. И. Макеевой и С. В. Дегтева.

Именно вычлениением слова было положено начало аналитическому подходу к речи и последовавшему за ним синтезу—осознанию механизмов связи слов. Умение разделить породило умение соединить. Важность и взаимообусловленность этих действий подчеркивали уже ранние античные философы (см. об этом в разделе Н. П. Гринцера). Вычленение слова способствовало вычленению понятий, т. е. обобщению смыслов, их отвлечению от прагматических условий коммуникации. *Слово*, первоначально связанное со звуком и слухом, постепенно становилось концентратом понятия, символом обширного смыслового поля. В этом сказывалась синтезирующая способность слова. Вместе с тем слово сыграло решающую роль в переходе к аналитическому взгляду на речь. Тем самым *слово* амбивалентно: оно синтезирует смысл и анализирует поток речи. В своей символической (знаковой) функции оно соединяет незримый мир человеческого сознания с окружающей человека действительностью. А. Белый в свойственной ему мифологизирующей манере писал: «Слово создает новый, третий мир—мир звуковых символов, посредством которого освещаются тайны вне меня положенного мира, как и тайны мира, внутри меня заключенные: мир внешний проливается в мою душу; мир внутренний проливается из меня в зори, в шум деревьев; в слове, и только в слове воссоздаю я для себя окружающее меня извне и изнутри, ибо я—*слово* и только *слово*» [Белый 1994, 131].

Итак, порождение речи более спонтанно, чем ее восприятие. Поэтому язык, как отмечалось, так легко выходит из подчинения говорящему. Говорящий заботится об актуальном членении речи, осуществляемом интонацией и акцентами. Восприятие речи более аналитично. Слушающий идет дальше в членении речи: он проводит в ней фонетические и семантические рубежи. Членораздельность и связность становятся характеристиками речи лишь тогда, когда она расчленяется тем, кто ее воспринимает. Речь порождаемая едина, речь воспринимаемая членима. Этим объясняется, что слово *речь* может быть отнесено только к речи одного говорящего—индивидуального или социального. Оно не может обозначать разговор, то есть речевое взаимодействие говорящих. Сколь бы ни была диалогична внутренняя речь, она не становится разговором. Но коль скоро контрагент как бы отделяется от Эго, приподнося ему сюрпризы, внутренняя речь превращается в *разговор*; ср. разговор Ивана Карамазова с чертом. В нем речь каждого из собеседников специфична и индивидуализирована автором. Речь имеет владельца, слово—нет (хотя его иногда *дают* или *берут назад*). Смысл речи прагматически обусловлен, смысл слова автономен. Это уже не смысл, а значение; об этих понятиях см. подробно в разделе И. М. Кобозевой. В ходе исторического развития порождение и восприятие речи утрачивают противопоставленность, а термины, соотноситель-

ные с говорением и слушанием, сближаются; ср. *молва* и *слух*. Если в русском языке *речь* не может быть отнесена к фрагментам речевого потока, то в сербскохорватском *реч* значит 'слово', а *речник*, как и в болгарском,— 'словарь'. В старославянском слово также могло обозначаться терминами «речепорождения»— *глаголь* и *речь*; см. об этом в разделе С. М. Толстой. Таким образом, противопоставленность порождения и восприятия речи отнюдь не категорична.

Слово, как отмечалось, наиболее семантически подвижная единица, и в обыденном сознании оно представляет все семантическое поле «языка» (см. об этом в разделе И. Б. Левонтиной «Слово»). Об этом свидетельствует высокая частотность его употребления. Из числа рассмотренных в книге металингвистических имен слово наиболее частотно. Его показатель— 1039 на один миллион словоупотреблений, из которых 627 приходится на художественную литературу и драматургию. Между тем слово *язык* обладает наименьшей частотностью. Его показатель— 204 словоупотребления на один миллион, из которых на художественные и драматургические тексты падает 104 употребления. Невелика также встречаемость и слова *речь*. Его показатель— 279 словоупотреблений, большая часть которых (109) приходится на газетную и журнальную публицистику [Частотный словарь 1977].

Слово вычленено из речевого потока. Но есть слова, отдельность которых изначально задана обособленностью и единичностью денотата, а также автономностью употребления в зове и обращении. Это имена собственные и, прежде всего, антропонимы. Они занимают в языке совершенно особое место. Не случайно имена собственные в обыденной речи редко называют *словом*, а обращаясь к человеку в неофициальной обстановке, спрашивают *Как тебя (вас) зовут?*, а не *Как твое (ваши) имя?* Имя собственное—собственность человека. Когда говорят об именах собственных (онимах) других индивидуальных объектов— городов и стран, учреждений и сочинений, театров и музеев,—употребляют слово *название* и глагол *называться*. Хотя названия улиц, городов и весей часто переименовывают, но в акте переименования им дают другие *названия*, а не другие *имена*. Даже уникальные космические объекты имеют названия (космонимы), а не имена. Когда им или другим объектам присваивается имя бога, героя или даже святого, оно утрачивает статус имени, становясь названием, но оставаясь в то же время именем собственным (геонимом, теонимом, топонимом, зоонимом и др.); ср. *Марс*, *Венера*, *Сатурн*, *Марсово поле*, *Остров Врангеля*, *Театр имени К. С. Станиславского* и т. д. Из названий, данных в честь того или другого деятеля, слово *имени* обычно выпадает: *Библиотека имени В. И. Ленина* становится *Библиотекой Ленина*, а затем *Ленинкой*. Присвоение *имени* создает *название*. Имена собственные занимают в языке большое и весьма нестабильное место, но слово *имя* не относится к числу частотных. Его показатель— 442 словоупотребления на один миллион, из которых основная масса (229) падает на газетные и журнальные тексты, на долю художественной литературы приходится всего 65 словоупотреблений [Частотный словарь 1977]. В классической русской литературе, особенно в поэзии, *имя* употреблялось, видимо, более часто. Оно служило знаком присутствия в сознании лирического героя образа любимой: *Я видел юношу: поникнув головою, / Мальвины имя он в отчаяньи шептал* (Пушкин), *Там на берегу, где дремлет лес священный, / Твое я имя повторял* (Пушкин), *С тех пор один бродил Гафаль унылый; / Умолк его веселый прежде глас, / Лишь иногда в безмолвный ночи час / Уединен, шептал он имя милой* (Пушкин), *Видите ли, я выжил из тех лет, когда умирают, произнося имя своей любезной* (Лермонтов). В такого рода кон-